

Оба шли по дороге, а Мо Линъюнь болтал о всякой всячине, чтобы скрасить время.

— Скажи-ка, почему наша секта с Долиной Царя Лекарств в таких плохих отношениях? — размышлял Мо Линъюнь. И Сект Сюаньтянь, и Долина Царя Лекарств были столпами среди праведных практикующих, почему же их отношения складывались столь неловко?

— Разве ты не знаешь даоса Цинсюаня, главу Пика Цинъюнь?

— Знаю, конечно. Этот мастер — дядя-предок просто удивительный человек: он искусен и в боевых талисманах, и в медицине. Он собственными силами объединил две вершины — медицинскую и тайных писем, переименовав их в Цинъюнь, — Мо Линъюнь подумал, что среди шести главных вершин Секты Сюаньтянь вряд ли найдётся тот, кто не знал бы столь выдающуюся женщину, управляющую сразу двумя пиками.

— Мастер-дядя Цинсюань, в прошлом звался Дуань Цинсюань.

— Дуань... Тот самый Дуань из Долины Царя Лекарств?

— Угу.

Дуань Цинсюань, младшая дочь главы Долины Царя Лекарств и самая его любимая дочь, обладала невероятным умом и поистине была гением врачевания. В юности, путешествуя по свету, она также овладела искусством создания талисманов. Глава Долины изначально видел в ней свою преемницу и наследницу всего учения, но кто же знал, что Дуань Цинсюань внезапно порвет все связи с кланом Дуань, отречётся от Долины Царя Лекарств и решительно вступит в Секту Сюаньтянь.

Секта Сюаньтянь всегда ценила таланты, и у них просто не было причин не принять человека вроде Дуань Цинсюаня, так что её, разумеется, зачислили в свои ученики.

Так между Долиной Царя Лекарств и Сектой Сюаньтянь легла глубокая вражда.

Мо Линъюнь слушал с отвисшей челюстью, какое-то время даже не зная, что и сказать. Нынешние гении все такие своенравные?

— А Дуань Чанкун вступил в Академию Чанчуань...

— Он-то с Долиной Царя Лекарств мостов не сжигал, — Цзин Жун понял, к чему клонит Мо Линъюнь, но излишних слов говорить было не нужно. В конце концов, это были обиды старшего поколения, а раз старшие не ладили, молодому поколению тоже не стоило лишнего болтать.

С другой стороны, Дуань Чанкун, едва вернувшись в Долину Царя Лекарств, провёл на коленях в родовом храме полчаса. По сравнению с необходимостью с кем-то видаться, он сейчас больше всего на свете хотел где-нибудь бесчувственно растянуться.

Его вторая сестра принесла мазь и с досадой произнесла:

— Дед вышел из уединения, ждёт тебя в главном зале.

Дуань Чанкун безвольно обмяк и уныло протянул:

— Дай мне немного времени, я приду в себя.

Его дед уж точно не забыл, как он в своё время молча и тайком поступил в Академию Чанчуань. стоило ему только покинуть долину и вернуться, как он едва сам не лишился внука. Если вспомнить, как сильно дед скорбел по потерянным любимой дочери и ученику, то полчаса на коленях были поистине милосердным наказанием.

Его дед, Дуань Чан, которому уже перевалило за триста лет, являлся нынешним главой Долины Царя Лекарств.

Когда Дуань Чанкун вошёл в главный зал, Дуань Чан как раз стоял к нему спиной и изучал висевшую на стене Карту сотен трав. Тот равнодушно бросил:

— Ай да сорванец, ушёл ни слова не сказав, и вернулся точно так же.

— Ну что вы, у меня просто были срочные дела, к тому же я сразу по возвращении поспешил засвидетельствовать вам почтение, о дедушка, — Дуань Чанкун хитро ухмыльнулся — уж в чём-чём, а в ласках со старшими ему не было равных.

— Хватит кривляться. Эту Долину Царя Лекарств я рано или поздно передам тебе. Если нагулялся на стороне, тебе пора всерьёз задуматься о том, когда же следует возвращаться.

Когда Дуань Чан обернулся, Дуань Чанкун невольно подумал, что за год разлуки дед, кажется, постарел ещё сильнее.

— Внук понимает, — Дуань Чанкун и сам не заметил, как смягчил голос. Хотя его дед в большинстве случаев бывал суров и консервативен, он действительно искренне заботился о молодом поколении.

Он попросил у Дуань Чан немало лекарств для поддержки передовых рубежей у болота Чанчуань, а перед уходом снова не удержался и предостерёг:

— О дедушка, я тут по дороге встретил... как его...

— Кого? — Дуань Чан поднял взгляд.

— Да того самого, по фамилии Янь... Он говорил, что собирается заглянуть в долину, будьте начеку. — Дуань Чанкун на миг запнулся: он знал, что дед поймет, о ком речь, даже без лишних уточнений.

— Я понял. — Взгляд Дуань Чан немного опустился, а мысли сами собой унеслись вдаль.

Всю свою жизнь Дуань Чан посвятил врачебному делу и обладал немалым собственным талантом, иначе ему ни за что не стать главой Долины Царя Лекарств. В искусстве исцеления он до сих пор встречал лишь двух поистине ослепительных гениев: первой была его дочь Дуань Цинсюань, а вторым — ныне гремевший на весь мир Первый Врач-Призрак Янь Хуай.

Причём последний обладал гораздо большим пониманием и способностью к обучению, чем первая.

По сравнению с этими двумя его внук Дуань Чанкун выглядел куда более простоватым и тугодумным. Однако Дуань Чан ценил в Дуань Чанкуне именно эту простоту: его лучшие ученики один за другим предали Долину Царя Лекарств, и его старые кости просто не вынесли бы повторения подобного.

Даже если он вовсе не мог считаться настоящим наставником Янь Хуая, а лишь изредка, в часы досуга, давал тому пару советов.

Янь Хуай скрыл своё имя и изменил внешность, чтобы проникнуть в Долину Царя Лекарств и обучиться медицинскому искусству. Строго говоря, он даже не соприкасался ни с какими секретами высшего уровня, однако благодаря своему выдающемуся пониманию постиг семь-восемь десятков процентов учений Долины Царя Лекарств.

Столь блестящий и схватывающий всё на лету ученик пробудил в Дуань Чан дремавшее давным-давно желание взять кого-то под своё крыло. Тогда он вскользь попытался прощупать Янь Хуая, не желает ли тот войти в его ученики, но Янь Хуай отказался, ответив лишь, что недостойно ничтожному мальчишке оказывать такую честь.

Тогда Дуань Чан счёл это ложной скромностью и робостью, и лишь узнав истинную личину парня, осознал: тому было абсолютно плевать, может он стать его учеником или нет.

Да кем вообще был этот человек? Первым Врачом-Призраком, от одного имени которого кровь

стыла в жилах всех врачевателей-призраков.

Изначально титул Первого Врача-Призрака принадлежал не ему, а тому хитрому и коварному Цяньцю. Но Янь Хуай поступил в ученики к Цяньцю, а затем убил учителя ради утверждения своего Пути и занял его место первого под небесами.

Только посмотрите, только взгляните, каких людей выделял он, Дуань Чан! Уж лучше бы это был кто вроде Дуань Чанкуна: пусть лишён редчайшего таланта, зато обладает твёрдой волей к Пути и по крайней мере не скатится в один прекрасный день на путь демонов.

При этой мысли Дуань Чан тяжело вздохнул. Мальчишка Чанкун не станет лгать, а значит, Янь Хуай действительно направляется сюда. И с какой бы целью он ни шёл, ничего хорошего их Долине Царя Лекарств это не сулило.

На подготовку и сбор лекарственных трав требовалось время, так что Мо Линъюнь временно поселился за пределами долины. Он заметил, что вокруг раскинулось множество лекарственных полей, а гостевые дома для визитёров в Долине Царя Лекарств были чистыми и уютными. Глядя через окно на то, как ученики долины собирают травы — в синих одеждах, с бамбуковыми корзинами за спиной, двигаясь упорядочено и без спешки, — Мо Линъюнь невольно отметил в них истинную утонченность отшельников.

— Учитель, я помню, у нас на Пике Линсяо под соснами тоже растёт немало женьшеня. Его посадили медицинские практикующие с Пика Цинъюнь? — поинтересовался Мо Линъюнь, подперев щеку рукой.

— Большой частью он растёт сам по себе, но кое-что посажено учениками Обители Абрикосовой Рощи.

— Значит, в подходящий сезон они тоже ходят туда собирать женьшень? — Мо Линъюнь посмотрел на согнувшихся вдаль учеников на лекарственных полях и вспомнил, какой безмятежной и пустынной казалась эта гигантская главная вершина, когда он находился на Пике Линсяо.

— Если ученикам Медицинского павильона что-то требуется, они должны предупреждать заранее, — ответил Цзин Жун. На подведомственных пику территориях Пика Цинъюнь тоже было немало лекарственных полей, но то, что сосновый бор на его Пике Линсяо легко порождал женьшень, вовсе не означало, что медицинские ученики той же секты могли свободно заходить на Пик Линсяо для сбора урожая. Обычно они заранее подавали заявку, если в том возникала необходимость.

Поэтому до сих пор в сосновом бору Пика Линсяо росло немало весьма старых корней женьшеня.

— Я вдруг подумал, что сосновый бор — просто прекрасное место. Там растет женьшень, и черных куриц можно разводить, и ухаживать особо не нужно... Суп из женьшеня с черной курицей, просто прелесть! — рассуждал Мо Линъюнь, рассмеявшись. Очевидно, его мысль унеслась далеко вперед, и ему захотелось завести на Пике Линсяо свободное поголовье черных куриц.

Сам же Цзин Жун представил пейзаж, присущий исключительно его Пике Линсяо: море облаков среди сосен. И вот в такую восхищающую весь мир красоту его ученик вознамерился поселить кур — а у парня богатая фантазия.

Но.

— Старейшина Линь, пожалуй, не разрешит.

Старейшина Линь отвечал за планировку ландшафта внутри их Секты Сюаньтянь, и даже глава пика, пожелай он внести хоть какие-то изменения в пейзаж своей подведомственной вершины, должен был испросить на то его позволения. А если самовольно взяться за дело без разрешения, творение рук человеческих попросту вырвут с корнем как сорняк.

К примеру, однажды глава Пика Вангуй посадил большую пекинскую капусту прямо перед входом в Зал Вангуй, так на следующий же день, едва старейшина Линь об этом узнал, от той грядки капусты не осталось даже корешков.

— Эх... Как подумаешь об этом, мне вдруг захотелось вернуться в секту, — вздохнул Мо Линъюнь. — Хочется приготовить для учителя чего-нибудь вкусненького, хочется побыть рядом с ним.

Мо Линъюнь резко повернул голову и спросил:

— Учитель, если я уйду, тебе ведь будет очень скучно одному в секте?

Цзин Жун на мгновение замер:

— Десятки весен и зим я провел именно так.

— Но... это же другое. Разве тебе не кажется, что с кем-то рядом жизнь веселее? — Мо Линъюнь моргнул.

— Я... не понимаю. — Цзин Жун поджал губы, отвечая с заминкой.

— Ты что, совсем по мне не скучаешь? — Мо Линъюнь почувствовал себя обиженным. Каждый раз, когда он готовил что-то вкусное, а Цзин Жун не мог этого отведать, он так сильно по нему

тосковал! Неужели Цзин Жун по нему совсем не скучал?

— Я... — Цзин Жун запнулся. Он не знал, что ответить, но сейчас любой ответ казался бы неправильным.

— Ладно уж. Пусть ты не скучаешь по мне, так я сам буду по тебе скучать — кто заставлял тебя быть моим учителем, — Мо Линъюнь скривил губы и, подперев щеку, продолжил смотреть, как ученики Долины Царя Лекарств собирают травы.

Цзин Жун смотрел на затылок отвернувшегося от него Мо Линъюня. Густые черные волосы были крепко стянуты лентой, и высокий конский хвост слегка покачивался в такт движениям юноши, окрашиваясь в мягкие лучи заходящего солнца.

Это была до боли знакомая картина — так он часто наблюдал за тренировками Мо Линъюня.

Наверное... всё же скучал? — пронеслось в мыслях у Цзин Жун, но вслух он этого не произнёс.

Проведя какое-то время за пределами Долины Царя Лекарств, Мо Линъюнь и его спутники наконец дождались, пока Дуань Чанкун закончит сборы, и вновь пустились в путь. На дворе стоял уже самый конец весны.

Дуань Чанкун прикидывал маршрут к болоту Чанчуань, чертя кистью линию по карте Южных Царств, и проговорил:

— Эту область... пожалуй, лучше обойти стороной.

— Почему? Разве Южные Царства — не неизбежный путь к болоту Чанчуань? — Мо Линъюнь всегда придерживался правила: не понимаешь — спроси.

— Споров там слишком много, нашим праведным адептам лучше появляться там пореже. К тому же, нас там не факт что ждут, — Дуань Чанкун чиркнул на карте ещё пару линий. — В такие места старшему брату Мо лучше вообще не соваться.

Мо Линъюнь посмотрел на исчерченную Дуань Чанкуном карту, поднял взгляд на него и позвал:

— Младший братец Дуань.

— М? — Дуань Чанкун, собиравшийся чертить дальше, уловив тон Мо Линъюня, невольно тоже подобрался, сосредоточенно уставился на него и приготовился внимательно слушать.

— Ты вдруг стал таким серьезным, что мне аж непривычно, — сменил интонацию Мо Линъюнь.

— ... — Дуань Чанкун поперхнулся. — Я вообще-то делюсь со старшим братом знаниями о мире заклинателей, чтобы тебя не продали ненароком.

— Ну да, ну да, давай выдвигаться, — кивнул Мо Линъюнь, а про себя подумал: с чего это Дуань Чанкун выглядит так, будто его продать гораздо проще? Пусть у него самого маловато сил, зато за ним повсюду следует учитель!

А вот такой честный и донельзя простофиля, как Дуань Чанкун, на рынке ценился бы куда выше.

<http://bllate.org/book/20174/2009559>